

Для цитирования: Савченков А.В. Прагматический аспект социальной и персональной идентичности индивида // Социум и власть. 2017. № 6 (68). С. 21–25.

УДК 111.6

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ И ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИНДИВИДА

Савченков Александр Витальевич,
Челябинский институт психоанализа,
Челябинский государственный
университет,
соискатель кафедры философии,
Челябинск, Россия.
E-mail: akfp@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются социальная и персональная идентичность человека, прагматический аспект функционирования человека в социальной среде. Даны развёрнутые определения социальной и персональной идентичности. Исследование затрагивает вопрос рутинизации человека, неостребованности его индивидуальных качеств современным обществом. Социальное пространство представляется пространством функционирования социальных машин, исследование которых позволяет понять, что собой представляет человек в современном социуме и его фактическое предназначение. Вместе с тем проясняется необходимость возврата к человеку, через производство новых социальных концептов благодаря появлению новых концептуальных персонажей.

Ключевые понятия:
социальное,
персональное,
идентичность,
социальные машины.

Рассмотрение личности через призму социального опыта позволяет выделить в ней две полярности – социальную и персональную идентичность, а становление идентичности происходит благодаря дискурсу.

Обретшее особую популярность в пост-модернизме понятие *дискурса* (от латинского – *discursus*, означающего рассуждение) в разное время толковалось по-разному. Так, например, нидерландский лингвист Т.А. Ван считал, что дискурс – это процесс перевода знания с языка науки на язык повседневности. Для М. Фуко – это стихийная сила, вместе с тем предполагающая наличие властных упорядочивающих структур, относящаяся к типу мыслительного движения. Ж. Лакан рассматривал дискурс как форму межсубъектной коммуникации. Кроме вышеприведённых примеров, существуют и другие «расшифровки» дискурса. Нами дискурс будет рассматриваться как способ репрезентации и классификации культурного среза инструментами языка в определенном контексте и логической последовательности.

В большинстве случаев понятие «социальная идентичность» рассматривается как выражение «мы»-аспекта в структуре личности как способ отождествления субъекта с социальной группой. Однако «социальная идентичность» обладает, скорее, кинетическими, чем статистическими свойствами, вовлекая индивида в социальные процессы, перемещая его, а точнее, воспроизводя всё новые и новые возможности для смены позиций внутри социального универсума.

В данной статье рассматривается только прагматический аспект идентичности человека, без его культурно-психологических и интересубъективных особенностей. Он является прагматическим в смысле осмысления того, каким образом коммуникативные системы встраивают человека в механизмы функционирования социальных машин/институтов.

***

Разбирая то, что является социальным, а что персональным, обнаруживаем, с одной стороны, социальное (субъект-объектное) пространство формируется благодаря совместной и обособленной деятельности людей. Что является персональным, проясняется нами через ответ на вопрос: что собственно регистрирует и осмысливает индивид в процессе становления своей социальной идентичности? Представляя всё, окружающее его *cogito*, как своеобразные коды, как данности опыта, значимость опыта ставится под вопрос субъектом познания: «...на значимость этого опыта, также попав-

шую под вопрос, я не могу, полагаться» [1, с. 345].

При оценке значимости опыта встаёт вопрос: что может быть «выведено за скобки» и каковы последствия этой процедуры? Если по отношению к факту, вещи или событию индивид способен занимать позицию чистого *ego*, оперирующего чистым потоком *cogitationes*, то вряд ли все эти означенные феномены можно назвать социально значимыми для целей идентификации. Гуссерль совершенно справедливо пишет, что «всё относящееся к миру, всё пространственно-временное бытие есть для меня, значимо для меня, именно благодаря тому, что я познаю его в опыте, воспринимаю, вспоминаю его, сужу или как-либо думаю о нём, оцениваю его, желаю и т.п.» [1, с. 347]. В этом перечислении мыслительных процедур и операций подразумевается, что социальная идентичность формируется посредством значимых социальных фактов.

Значимость социального факта – результат осмысления того, что есть набор социальных фактов, внеположенных индивидуальному сознанию. Органические и психические явления нельзя отнести к социальным фактам в силу того, что они регистрируются и переживаются субъективно. Социальные факты, представленные сознанию индивида, характеризуются всеобщностью, «наделены принудительной силой, вследствие которой они навязываются ему независимо от его желания» [2, с. 69].

Далее мы исследуем процедуру деления, позволяющую понять, что рассматривать как социальный факт, что как индивидуальный. На примере религии чётко выделяются – религиозный институт как социальный факт и переживания, связанные с осмыслением религиозных феноменов (индивидуальный факт). По нашему мнению, индивидуальное переживание факта на выходе даёт то, что именуется персональной идентичностью.

Социальная идентификация – процедура осознанного выбора того или иного социального кода в структуре символических порядков. Этим мы расщепляем структуру идентичности на социальную (символическую, отвечающую на вопрос *что?*) и персональную (феноменологическую, отвечающую на вопрос *как?*). Местом такого расщепления служит граница, образованная двумя пределами идентичности. Граница – место удвоения индивида. Здесь пределы социальной и персональной идентичности ограничиваются друг от друга различием, образованным, с одной стороны, «желанием Другого» (социальными требованиями), а с другой, «желанием субъекта» (гедонизм

в широком смысле). Граница – это место-обрез, по которому индивид самоограничивается и присваивается социальным пространством. В этом смысле индивид распознается нами как социус. Социус – это индивид, рассматриваемый как обособленная единица в системе социальных коммуникаций. Существование социуса обусловлено исключительно социальными требованиями, если быть более точным, то требованием социальных машин или символическим предписанием Другого – в этом заключается смысл удвоения.

Другой в этом контексте выступает как сосредоточение символических порядков, распределитель социальных иерархий, причина субъект-объектных отношений. Другой – это тот, кто только и способен наделить социум каким-то символическим смыслом. «Другой становится условием, при котором перераспределяются друг относительно друга не только субъект и объект, но так же фигура и фон, окраины и центр...» [3, с. 29]. Фаллическая миссия Другого в социуме сводится к созданию и функционированию социальных машин, к опосредованному присвоению социуса.

Примером первых социальных машин была македонская фаланга. Это боевое орудие, построенное из людей. Более совершенной социальной машиной можно назвать «машину науки». Благодаря общей машинерии наука отвлеклась от беконовского постулата. Например, наличие современной техники даёт возможность решать задачи вне поля эвристичности и не придавая значения их новативности и перспективности, руководствуясь только тем, что данное направление признается каким-то научным авторитетом. Функционирование этой машины размывает и обесценивает смысл познавательного процесса. Если быть предельно объективным, то создание и функционирование социальных машин продиктовано, с одной стороны, экономическими предпосылками, а с другой, политическими и может рассматриваться как форма воспроизводства государства. И как вывод, социальные машины функционируют благодаря одной, пронизывающей всё общество, машине власти, существующей благодаря иерархии символического.

Природа социальных машин ярко и эмоционально описана Делезом и Гваттари. Авторы «Анти-Эдипа» пишут: «Повсюду – машины, и вовсе не метафорически: машины машин, с их стыковками, соединениями. Одна машина-орган подключена к другой машине-источнику: одна выпускает поток, другая его срезает» [4, с. 13]. Социальные

машины – инструмент отчуждения человека у человека. На выходе – социус, пригодный для машинной инженерии, встроенный, где личность (персональная идентичность) значения не имеет, даже в качестве изнанки. Социальные машины – это желающие машины, стратифицированные и иерархизированные в символических порядках, образуют единый механизм потребления и отчуждения. Закон функционирования социальных/желающих машин можно описать следующим образом: «Желающие машины – это бинарные машины с бинарным правилом или ассоциативным режимом; одна машина всегда состыкована с другой. Продуктивный синтез – производство производства – имеет коннективную форму: «и», «и ещё...» [4, с. 18]. Всё социальное пространство устроено так, что всегда есть машины, производящие поток и присоединённые к ней, функционирующие на срезе/выборке из потока. Социальные машины функционируют благодаря желанию Другого. Желанию, подчиняющему символические порядки определённым правилам функционирования. Страты и сословия – продукт желания Другого, желания власти государственной машины.

Социальные машины по своей сути – это, в языке Бодрийяра, симулякры третьего порядка. Социальные машины упраздняют реальность в угоду своему функционированию. Социальные машины создают собственную реальность, они и есть реальность, хотя и самопровозглашённая. Например, современная социальная машина «образование» существует параллельно реальности общественного запроса. Создаются разнообразные программы подготовки, новые методики, меняется ФГОС и многое другое. Образовательная система соблюдает все правила функционирования социальных машин – существование ради существования; производство производства. Объём функционирования этой машины многократно превышает своё предназначение – обучение человека. Она не занимается развитием личности и образованием как таковым, а функционирует по правилам педагогики готовых ответов, предполагающих на выходе получение homo faber. Никакого различия между субъектами/людьми: «Это и есть серийность, то есть самая возможность двух или n-идентичных объектов. Отношение между ними – это уже не отношение оригинала и подделки, не аналогия или отражение, а эквивалентность, неотличимость» [8, с. 24].

Таким образом, социальная идентичность – это продукт и выражение функционирования человека в социальных машинах.

Постиндустриальное общество, в котором органы тела человека не имеют первоначального производственного смысла, отчуждает его в пользу социальных машин. Всевозможные станки-автоматы, вычислительные устройства, конвейер и пр. – всё это направлено на то, чтобы, с одной стороны, обесценить физиологические и психические особенности человека, а с другой стороны – вывести его на новый ценностный уровень, пригодный для функционирования социальных машин – социус.

***

В современной литературе зачастую не делают различия между персональной идентичностью и индивидуальностью человека. Отметим, что индивидуальность включает в себя некоторые особенности и качества личности, принадлежащие индивиду и отличающие его от других. Под индивидуальностью понимается сочетание природного и социального. Э. Ильенков пишет: «Человеческая индивидуальность, по старинке называемая иногда «душой», той самой «душой», которую каждый человек знает как свое «Я», как нечто уникально-неповторимое, неразложимое на какие-либо общие составляющие и, стало быть, принципиально ускользающее от научно-теоретических определений и даже невыразимое в словах...» [5, с. 112]. М. Мамардашвили утверждал, что: «Индивидуальность – это форма, способ бытия, особое состояние жизни, находка её эволюции» [6, с. 26].

К персональной идентификации мы относим процесс отражения индивидом фактов индивидуального значения. Теперь следует определить, что такое индивидуальный факт. Индивидуальный факт в отличие от социального факта, не внеположен. Это такой факт, который только и существует благодаря сознанию индивида. Несмотря на то, что индивид, с одной стороны, осмысливает ощущения, эмоции, удовлетворение базовых потребностей, с другой он регистрирует границу собственного удвоения. В результате чего мы можем отметить появление двух структур индивида – alter-ego (социальная идентичность и persona-ego (персональная идентичность).

Изучая явление персонального факта, мы не находим ни одного автора, который бы осмыслил этот феномен и попытался предложить его дефиницию. Начнём с того, что факт (factum) – буквально, свершившееся; персональный (persona) – принадлежащий конкретному человеку. В плане персональной идентичности персональный факт рассматривается как нечто свершившее-

еся благодаря сознанию индивида и только в границах этого сознания. Свершившееся в сознании интенционально, оно направленно на самоё себя, будь то осмысление ощущений, эмоций или потребностей. Во всех этих случаях индивид в первую очередь осмысливает мысль о мысли о «...».

Если рассмотреть сторону *persona-ego* какого-либо культурного феномена, то мы увидим, что та часть, которая присвоена социальным кодом, выпадает из поля субъективности индивида, оставляя лишь фрагмент, имеющий значение в логике – «как я осмысливаю мысль о «...»». В этом смысле удвоение феномена происходит за счёт удвоения индивида. И здесь индивид в процессе осмысления производит проектную работу, конструируя смыслы и внутреннюю логику индивидуального факта как имеющее значение только для него, например, как «да» или «нет» морально-нравственного императива.

Становление *persona-ego* подразумевает работу мышления по самопроизводству – подтверждение самоидентичности. Здесь индивид как бы «собирает» из несвязных обрывков каждодневных впечатлений уникальную, укоренённую в самоидентичности человеческую личность» [7, с. 15]. Благодаря этой процедуре формируется внутренний предел границы личности, который не является завершённой структурой. Однако есть ядро *ego*, благодаря которому индивид ощущает свою целостность в пространственно-временном измерении.

Изучение персональной идентичности приводит нас к засилью психологизмов, неуместных в социально-феноменологическом исследовании. В социальном пространстве, где царит власть «машин», персональная идентичность обесценивается и может рассматриваться только в качестве изнанки индивида, не имеющей социальной значимости. Изнанка – то, что находится по ту сторону социальной идентичности; предел, удерживающий границу соприкосновения с социальными машинами, границу встраивания. К примеру, в процессе обучения воспринимаемый материал подвергается индивидуальному когнитивному и эмоциональному осмыслению. Этот материал осваивается в зависимости от личностных устремлений студентов и множества других факторов. Однако на выходе от каждого из них социум требует не качественных личностных изменений, а наличия символического атрибута (диплом), позволяющего быть встроённым/присвоенным в ту или иную социальную машину. Такая ситуация поставила российское образование в условия,

когда нет необходимости в образовании как таковом; когда достаточно документа об образовании как пропуска, размещающего индивида в стратификационно-сословном пространстве.

Итак, решение исследовательской задачи – прояснение понятия персональной идентичности, привело к тому, что в современном обществе она не представляет социальной ценности, так как не влияет на социальное воспроизводство. Персональное *ego* остается достоянием индивида, невостребованным продуктом его воображения.

***

В заключение попытаемся прояснить феномен границы удвоения индивида (граница двух пределов идентичности), о которой говорилось выше. Представим, что граница – это стена. С одной стороны – предел социальной идентичности, а с другой – предел персональной идентичности. Тогда, что такое сама граница, как не место, в котором сходятся пределы. В таком случае, границу можно рассматривать как пролиферирующую границу, а пределы, в точке схождения, как сингулярности. Благодаря такой логике можно утверждать, что граница – это место становления концептуального персонажа. Концептуальный персонаж соответствует логике функционирования социальных машин, логике производства. Однако он действует вопреки общей системе машинерии, т.к. сам является автором производимых концептов: «...концептуальные персонажи осуществляют те движения, которыми описывается авторский план имманенции, и принимают участие непосредственно в творчестве его концептов» [3, с. 83]. Концептуальный персонаж не встраивается в социальные машины и не является одним из них. Он восстаёт против общей системы, вырывая человека из социальной рутины, включает его в план имманенции, даёт личности концепты развития, осмысления своего положения и значимости в общественном устройстве. Основное отличие концептуального персонажа от социальной машины – план имманенции, «способность мысли видеть себя самое и развиваться через план, который в нескольких местах проходит сквозь меня» [3, с. 84].

В результате проведённого исследования мы приходим к выводу, что прагматический аспект социального не даёт развития ни личности, ни обществу. Личность попросту отчуждается. Ей не находится применения в социальном воспроизводстве. Принцип социальной машинерии, функционирования социальных машин – производство усло-

вий собственного существования, что противоречит инновативности. Для выхода на качественно новый уровень необходимо совершить пролом повседневности, выйти за рамки социального прагматизма. Для этого обществу требуются новые концептуальные персонажи, способные на производство новых, несуществующих концептов, дающих на выходе социальные изобретения.

1. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 752 с.

2. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. 3-е изд., доп. и исправл. / пер. с фр., сост., вступ. ст. и примеч. А. Гофмана. М.: ТЕРРА. Книжный клуб, 2008. 400 с.

3. Делёз Ж. Что такое философия? Перевод с французского С.Н. Зенкина. Институт экспериментальной социологии. М.: Издательство АЛТЕИЯ, СПб, 1998. 286 с.

4. Делёз Ж. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

5. Ильенков Э.В. Что же такое индивидуальность? // Философия и культура. М., 1991. С. 388.

6. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. 173 с.

7. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания. Историографические заметки. Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

8. Ясперс К. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007. 272 с.

References

1. Gusserl' Je. (2000) Logicheskie issledovanija. Kartezijskie razmyshlenija. Krizis evropejskih nauk i transcendentnaja fenomenologija. Krizis evropejskogo chelovechestva i filosofii. Filosofija kak strogaja nauka Minsk, Harvest; Moscow, AST, 752 p. [in Rus].

2. Djurkgejm Je. (2008) Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie. Per. s fr., sostav., vstup. st. i primech. A. Gofmana. Moscow, TERRA Knizhnyj klub, 400 p. [in Rus].

3. Deljoz Zh. (1998) Chto takoe filosofija? Perevod s francuzskogo S.N. Zenkina. Institut jeksperimental'noj sociologii. Moscow, Izdatel'stvo ALETIJA, Sankt Peterburg, 286 p. [in Rus].

4. Deljoz Zh. (2007) Anti-Jedip: Kapitalizm i shizofrenija. Per. s franc. i poslesl. D. Kralechkina; nauch. Red. V. Kuznecov. Ekaterinburg, U-Faktorija, 672 p. [in Rus].

5. Il'enkov Je.V. (1991) Chto zhe takoe individual'nost'? / Filosofija i kul'tura. Moscow, p. 388 [in Rus].

6. Mamardashvili M.K. (1990) Kak ja ponimaju filosofiju. Moscow, 173 p. [in Rus].

7. Repina L.P. (2003) Kul'turnaja pamjat' i problemy istoriopisaniija: Istoriograficheskie zametki. Preprint WP6/2003/07. Moscow, GU VShJe, 44 p. [in Rus].

8. Jaspers K. (2007) Prizrak tolpy. Moscow, Algoritm, 272 p. [in Rus].

For citing: Savchenkov A.V. Pragmatic aspect of social and personal identity of a person // Socium i vlast. 2017. № 6 (68). P. 21–25.

UDC 111.6

PRAGMATIC ASPECT OF SOCIAL AND PERSONAL IDENTITY OF A PERSON

Savchenkov Alexander Vitalyevich, Chelyabinsk Institute of Psychoanalysis, Chelyabinsk State University, Degree-seeking Student of the Department Chair of Philosophy, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: akfp@yandex.ru

Annotation

The article studies social and personal identity of a person, pragmatic aspect of a person's functioning in social environment. The author gives an extensive definition of social and personal identity. The study touches upon the problem of a person's routinization, absence of demand for his personal qualities by a modern society. Social space is presented as a space of social machines functioning, studying of which helps to understand what a man is in up-to-date society and his factual destination. Along with this the author clears up the necessity to return to a man through producing new social concepts due to appearance of new conceptual personalities.

Key concepts:

social,
personal,
identity,
social machines.